

Камни Линды

Антология историй жизни эстонских женщин

Перевод с английского: А. Жуматаева
Редактор: Р. Фокин

**Kaasrahanud
Euroopa Liit**

Глава 18

Незапланированное путешествие

Записано дочерью Лидии Лайус Ильви Йые-Кэннон.

Побег

В августе 1944 года отец посоветовал матери уехать с нами в Финляндию, потому что 26 июля Красная Армия заняла Нарву и возвращение советской оккупации было неизбежным. Наша семья была в списке на депортацию 14 июня 1941 года. К счастью, в ту ночь, когда за нами пришли из НКВД, нас не было дома и мы не оказались среди 10 тысяч мужчин, женщин и детей, отправленных в Сибирь. Поэтому для нас было жизненно важно уехать до того, как Советский Союз снова оккупирует Эстонию. Люди вроде нас считались "врагами народа" в русской коммунистической идеологии и подлежали ликвидации. У нас были причины бояться за наше будущее при советском режиме. Бегство, даже рискованное, даже в полную неизвестность, было оправдано.

Чтобы скрыться от войны, мы уехали из нашего дома в Тарту, где отец работал сельскохозяйственным советником, на ферму дедушки и бабушки в Пихельга в Вильяндиском уезде. 12 или 13 августа мы уехали из Пихельга в Таллин. Через две недели мы были на корабле, который отправлялся из Таллинна в Германию. Если бы мы не уехали тогда из Пихельга, вряд ли мы когда-нибудь оказались на Западе. Советский фронт 13 августа достиг Выру и, как мы потом узнали, железнодорожные пути в Выхма, где мы садились на поезд до Таллинна, были демонтированы с целью затруднить продвижение Красной Армии.

Поезд, который отвез Лидию Йыэ (родилась 21 марта 1908 года) и её четверых детей в Таллинн, был последним поездом, успевшим покинуть станцию. Отец попал под мобилизацию, объявленную 1 февраля 1944 года немецким военным управлением для предотвращения повторного вторжения Красной Армии в Эстонию.

В Таллинне мы остановились у маминой кузины Мари. Мама пыталась организовать нам отъезд в Финляндию. Хотя очередь за визами перед финским посольством растянулась на два квартала, слухи, которые ходили в Таллинне, убедили маму, что Финляндия не станет для нас безопасным убежищем. Там произошла смена правительства и новый режим, под давлением Москвы, согласился выдать всех советских граждан Советскому Союзу. Эстонцев Москва тоже считала своими гражданами с тех пор как принудительно аннексировала Эстонию в августе 1940 года.

Мама смогла посадить нас на корабль Красного Креста, который перевозил немецких раненых солдат и 500 трофейных лошадей. Корабль сделал остановку в Риге, в Латвии и взял на борт большую группу женщин и детей. Наши каюты были внизу, темные и переполненные. Единственным нашим багажом был большой чемодан с едой.

Переправа заняла пять дней и то, что мы вообще смогли ее осуществить, было настоящим чудом. В 1944 году война достигла критической стадии, и немцы не собирались сдаваться. Ожесточённые бои шли на земле и на море. Многие корабли были атакованы бомбами или торпедами. Неважно, что они имели знаки Красного Креста. Морской путь предоставлял самые широкие возможности для побега, но при этом требовал и самых больших жертв. По оценкам, около 100,000 эстонцев пытались сбежать через море, но эти воды стали могилой примерно для 10,000 из них.

Большинство людей, которые бежали или были вывезены из Восточной Европы и стран Балтии в Германию, помещались в лагеря или

центры интернирования возле промышленных районов. Людей использовали в качестве рабочей силы в немецкой военной промышленности. Готенхафен, военный порт на востоке Германии, который после войны перешёл под польское управление и получил название Гдыня, тоже имел лагерь для интернированных. Он служил пересылочным пунктом, оттуда людей отправляли на работу на фабрики по всей Германии. В Готенхафене пришвартовался и наш корабль. Мы бы тоже попали в лагерь в Готенхафене, если бы мама не познакомилась на корабле с немецкой медсестрой. Мама свободно говорила по-немецки. Немецкая медсестра посоветовала, по возможности, остановиться в Германии у родственников и не оставаться в лагере, где условия были ужасными.

У отца было несколько двоюродных братьев и сестер, которые вступили в брак с немцами и переехали в Германию в 1939 году, когда Гитлер «призвал немцев домой». Это произошло благодаря тому, что пакт Молотова-Риббентропа внёс страны Балтии в зону влияния Советского Союза, и Гитлер предоставил немецким гражданам в Балтии возможность вернуться в Германию, чтобы не попасть в советскую ловушку.

Когда мы высадились в Готенхафене, у мамы был адрес кухни отца Помси и мы отправились в юго-западную Германию, где Помси жила со своим мужем Артуром. Наше путешествие было медленным и часто опасным, вокруг нас бушевала война. Общественный транспорт ходил нерегулярно из-за нехватки топлива и разрушений, вызванных бомбардировками союзников. Из-за бомбардировок мы вынуждены были искать укрытие, которое порой находили в подвалах железнодорожных станций. В общем, мы постоянно искали поезда, на которых можно ехать, иначе нам не оставалось ничего другого, кроме как идти пешком.

Шли пешком мы много. Тринадцатилетний Тийт нес чемодан с едой и жаловался, что ручка чемодана врежется в руку. Мама несла

годовалую Лийви. Я должна была нести на плечах мамино зимнее пальто, которое казалось мне очень тяжёлым. Мы расстилали пальто на земле или на полу и использовали в качестве постели. Мне было шесть, а Линде — три и она должна было не отставать от нас. Оглядываясь назад трудно поверить, что нам удалось добраться из северо-восточной части Германии в юго-западную через бесконечные бомбардировки, страдания от голода и без лекарств. Другим беженцам повезло меньше. Дети заболели, некоторые умирали и их приходилось хоронить. Жертвами войны стали люди, просто оказавшиеся в неправильном месте в неправильное время. Каким-то чудом нам удалось выжить в течение той недели, когда нас бомбили, когда мы ждали поезда вместе с толпами беженцев на вокзалах, когда пробирались сквозь тлеющие развалины городов, где нельзя было найти даже воды и было жутко потому, что нигде, кроме железнодорожных станций, не было людей.

Мы добрались до Помси в Оберстдорфе примерно 10 сентября 1944 года. У Помси и её мужа была только одна маленькая комната и не было места, чтобы разместить нас. Гостеприимная хозяйка отдала нам временно пустующую комнату сына. Жильё предоставляли только тем, кто работал, а в нашей семье не было никого работающего. В военное время в Германии работать начинали с 14 лет. Только женщины с иждивенцами освобождались от работы. У мамы таких иждивенцев было четверо. За два дня, которые мы пробыли у Помси, мэр города помог нам, нашёл лагерь для перемещённых лиц в Нересхайме. Мы снова отправились в путь.

В обычных обстоятельствах дорога заняла бы всего несколько часов, но нам, чтобы туда добраться, потребовалось два дня и ночь. Железнодорожные пути за Штутгартom были разрушены и нам пришлось сойти с поезда. Сам Штутгарт лежал в руинах.

В ясный, солнечный день мы прибыли в маленький городок Нересхайм и пошли от железнодорожной станции по узкой аллее, по

обеим сторонам которой росли деревья, к монастырю на холме. Этот монастырь должен был стать нашим первым домом на чужбине. Нересхайм расположен в восточной части Баден-Вюртемберга, недалеко от баварского города Нёрдлинген. Любой, кто приближается к Нересхайму, издали видит Бенедиктинское аббатство, расположенное на высоком плато, откуда в ясную погоду открывается вид на вершины Альп.

В лагере для перемещенных лиц

Мы были первыми эстонцами в Нересхайме. Через неделю после нас приехали еще две эстонские семьи. До наступления зимы в лагере насчитывалось уже 16 национальностей. Стало тесно. В нашей комнате жили три семьи. У нас были две двухъярусные кровати в углу. Лагерь в Нересхайме управлялся членами Партии в коричневой форме, он был отдельным от монастыря учреждением, у членов ордена одежды были темнее. Мы не помним какого размера был лагерь, но мама говорила, что больше всего в лагере было словаков. Их, как и многих других, принудительно привозили для работы на военных предприятиях. Когда в октябре моему брату Тийту исполнилось 14 лет, ему тоже пришлось пойти работать на местную фабрику.

Последняя зима войны была лютой, даже в южной Германии. Её суровость остановила наступление союзников, солдаты столкнулись с самым жестоким противником — морозом. Еды для гражданских не хватало, в некоторых районах её практически не было. Монахи кормили нас в общинном зале. Пищи, которой им приходилось с нами делиться, было недостаточно, но она позволяла нам оставаться в живых. На пятерых человек раз в четыре дня приходилась одна буханка хлеба. Большинство продуктов, включая хлеб, были из суррогатов. Суп, например, был из заменителя муки и воды. Он был безвкусным и почти

несъедобным. Но к концу дня, когда голод становился невыносимым, съедали и его. Когда мы намазывали суррогатный мед на суррогатный хлеб, мама вспоминала своего кузена, который погиб в Таллинне в марте 1944 года во время советской бомбардировки и который предсказывал, что война закончится, когда в Англии начнут есть крыс, а в Германии - суррогатных крыс. Мы постепенно приближались к этому.

Мама пополняла наши скудные запасы, совершая вылазки за город с рюкзаком. Иногда фермеры в близлежащих районах соглашались на обмен. Наш багаж постепенно, по частям, дошёл до нас и в нем было много вещей, практически недоступных гражданским. Самым ценным средством обмена стали сигареты. Немецкая марка обесценилась во время войны и фермеры не хотели продавать за деньги, но сигареты помогали выручить немного яблок или картофеля. Если фермер не соглашался на обмен, мама говорила, что у неё в лагере четверо голодных детей, на что в ответ неизбежно слышала: "Все приходят сюда, и у всех в том лагере голодные дети».

Кроме визитов к фермерам, мама ходила на поля и искала там картофель, который могли пропустить когда собирали урожай. Результат оправдывал ожидания. Еще в соседнем саду на земле лежало много яблок, которые можно было собирать. Мы возили Лийви на прогулку в коляске и обнаружили, что коляска отлично подходит для перевозки яблок. Мы наполняли дно коляски яблоками, накрывали их одеялом и сажали Лийви сверху. Если под деревьями яблок не было, мы трясли дерево, и они падали на землю.

Со временем коляской стали пользоваться все чаще и чаще. Мы шли вдоль полей, на которых иногда еще оставались овощи, и эти овощи тоже оказывались в коляске. Мама привозила в коляске припасы для нас и одалживала ее друзьям и соседям. Несколько лет спустя, в лагере для переселенцев в Гайслингене, коляску украли. Как она вообще оказалась у нас? Когда мы уезжали из Эстонии, коляска была, но в Готенхафене,

откуда мы направились на юго-запад Германии, мама отправила ее с багажом на станцию, где жила Помси. Потом мама жалела об этом, потому что гораздо легче было бы везти Лийви в коляске, чем нести на руках. Пока мы были у Помси, коляска и некоторые из наших чемоданов прибыли. Когда мы направились в Нересхайм, мы оставили инструкции о пересылке остального багажа, который ещё был в пути. Постепенно мы получили все чемоданы.

Мама сильно беспокоилась об одном сундуке, в котором было постельное белье, сигареты и мыло — ценные товары для чёрного рынка. По мере ухудшения ситуации с продуктами мама беспокоилась все больше и больше. Она попросила начальника станции отследить чемодан и тот проявил отзывчивость. В итоге, и этот чемодан до нас добрался.

Последний чемодан, в котором было много немецкой валюты и наручные часы отца, прибыл через месяц после того, как мы обосновались в Нересхайме. Два чемодана так и не нашлись. Учитывая серьёзную нехватку самого необходимого, с которой тогда столкнулось гражданское население, удивительно, что ни один из наших чемоданов не был украден. Это говорит о честности сотрудников немецкой железной дороги. Мы склонялись к мысли, что пропавшие чемоданы пострадали в поездах во время бомбежки.

Среди вещей, упакованных в Пихельга перед нашим путешествием, были хороший костюм отца и его швейцарские часы. Мама упаковывала костюм с мыслью, что если война забросит отца за границу и нам удастся найти друг друга, у него будет гражданская одежда. У большинства из 74 эстонских женщин в нашем лагере мужья служили в немецкой или советской армиях. Во время оккупаций эстонцы призывались не только в германскую, но и в Красную Армию. Некоторые эстонцы, призванные во время оккупации и в Красную армию, и в Вермахт могли бы сказать, что служили и Сталину и Гитлеру.

Узнав, что в нашем районе находятся лагеря для военнопленных и один из них расположен недалеко от Нересхайма, эстонские женщины отправлялись туда в надежде найти своих мужей. Если среди военнопленных находился кто-то из Эстонии, предпринимались попытки его освободить. Часто военнопленному просто помогали сбежать. Для этого использовали костюм отца: беглецам нужна была гражданская одежда, чтобы их не обнаружили.

Позже, в лагере для перемещённых лиц в Гайслингене, мы через Швецию получили информацию о том, что отец находится в советском плену. Его шансы попасть на Запад были равны нулю. Его отправили в ГУЛАГ на десять лет, он пережил ссылку и вернулся в Эстонию. Советские власти ни разу не позволили ему навестить нас, его семью, в США. После «оттепели» мы сами несколько раз ездили к отцу в Эстонию. После возвращения из ГУЛАГа он снова женился и умер в феврале 1987 года.

Пожалуй, самый напряженный момент в Нересхайме для нас был тогда, когда на Рождество у Тийта случился приступ аппендицита. В октябре Тийту исполнилось четырнадцать он начал работать на фабрике, где шили военную форму. Когда у него начались ужасные боли в животе, мама не могла найти врача, который согласился бы его осмотреть. Гражданским было трудно получить медицинскую помощь и уход, потому что война требовала усилий всего и всех. Тийт лежал в кровати только со стаканом воды, стоически перенося боль, пока мама не нашла хирурга, согласившегося оперировать в обмен на сигареты и мыло. Операцию по удалению аппендикса Тийту сделали в Аалене, в ближайшем городе, где была больница.

Когда Тийт был в больнице, Аален подвергся крупной бомбардировке союзников. В Нересхайме мы видели пламя, но больница не пострадала. После короткого периода восстановления Тийту нужно было вернуться на работу и гладить форму семифунтовым утюгом. Мама боялась, что от

тяжести у него могут разойтись послеоперационные швы. Ей удалось договориться с начальством. Сигареты сновагодились, и Тийту показали, как гладить ткань, не поднимая утюга. Кроме того, мама нашла в городе врача, который за сигареты согласился выписать документ, ограничивающий рабочий день Тийта четырьмя часами.

Еще в Нересхайме впервые серьезно заболела пневмонией Линда. Однажды ночью она начала кашлять кровью. Из монастыря вызвали голландскую медсестру. Она ставила компрессы всю ночь, и Линда выжила. Откуда в аббатстве были голландцы? Их тоже привозили для работы на немецких военных фабриках. Конечно, когда весной прибыли американцы, все голландцы получили разрешение уехать домой.

Освобождение

Зимой 1945 года мы стали свидетелями последних дней войны. Союзники приближались. Западный фронт двигался к Эльбе, а 7-я армия США прорезала путь через регион, в котором мы жили. К концу зимы немецкая армия разместила полевой госпиталь в Нересхайме и заняла наше здание под свои нужды. Библиотека монастыря, расположенная в Общественном здании, превратилась в палату для раненых солдат. Нам выделили комнату на четвертом этаже в том же здании. Из окна ночью мы видели далекие бои, освещающие небо. Из безопасного аббатства это выглядело как фейерверк.

В начале весны союзники были фактически у наших дверей и полевой госпиталь эвакуировали. В день эвакуации раненых солдат несли на носилках к машинам. Мама говорила, что немцы боялись американцев и уходили на Восток. Мы пришли с Востока и ждали американцев. Немецкая военная администрация нашего лагеря сбежала примерно в то же время, когда эвакуировали полевой госпиталь. Директор лагеря собрал всех жителей во дворе монастыря и велел не бояться, потому что

монахи позаботятся о нас. Мама спросила директора: "Кто придет сюда, кого мы не должны бояться?" И директор ответил, что, очевидно, американцев.

Действительно, пришли американцы. Они громко ворвались в темноту ночи. На следующий день над нами в сторону Мюнхена пролетело множество самолетов, и мы поняли, что наш невыносимый кошмар подходит к концу. Но что ждет нас впереди? Сможем ли мы вернуться домой?

В Европе война закончилась 8 мая 1945 года, но мы узнали об окончании войны в солнечный апрельский день, когда колонна американских военных медленно поднялась по той же дороге, по которой пришли и мы в день нашего прибытия в Нересхайм. День, когда пришли американцы, можно определить почти точно, так как 25 апреля 1945 года представители лагеря составили "Пояснение" коменданту американских войск в Нересхайме». В документе сообщалось, что в лагере находится 158 эстонских беженцев (27 мужчин «старше 16 лет», 74 женщины и 57 детей «от 0 до 16 лет»), бежавших от «коммунистических войск, которые во второй раз оккупировали нашу родину». Описав историю Эстонии, они выразили надежду, что после войны «Мирная конференция вновь обеспечит независимость Эстонии и, как следствие, восстановление Эстонской Республики, как говорится в Атлантической хартии. Наше единственное желание — вернуться на родную землю». «Пояснение» завершалось просьбой к американцам защитить эстонцев и обеспечить питанием, а также принять как дружественную и благодарную нацию. Но послевоенные события происходили иначе, чем надеялись эстонские беженцы.

В лагерях союзников

Вскоре после прибытия американской армии нас посадили на зеленые грузовики и отвезли в Вассеральфинген, который находится примерно в 50 километрах к северо-востоку от Нересхайма. В Европе начались послевоенное урегулирование и репатриация 30 миллионов беженцев. Как мы и надеялись, мы оказались в американской зоне и, следовательно, под юрисдикцией американских оккупационных войск.

Во время войны Вассеральфинген был концлагерем для польских рабочих. Эта часть Германии богата железной рудой. Нацистский режим использовал принудительный труд рабочих из Польши. Когда мы прибыли в Вассеральфинген, многие поляки все еще были в лагере. Население лагеря стало наполовину польским, наполовину эстонским. Мы прибыли ночью и искали нашу комнату в темноте, потому что в бараках не было электричества. Ощупав комнату, мы обнаружили соломенную подстилку на полу. И всё. Утром мы увидели, каким жалким было это место. Трещина в стене была такого размера, что окно казалось лишним. После первого дождя мы узнали, что протекает крыша. В дополнение к отсутствию электричества, в бараке не было канализации. Окружающий лес с большим количеством источников воды (в немецком языке "wasser" означает "вода") использовался в качестве и прачечной, и ванной.

Наша маленькая комната находилась в углу барака, а дверь открывалась в комнату, которую занимала другая семья. Когда Линда заболела коклюшем, эта семья запретила нам ходить через их комнату. Из-за этого окно в нашей комнате стало особенно ценным. После того, как Тийт смастерил лестницу от окна до земли, мы начали использовать его как дверь на улицу. Дополнительным преимуществом стало то, что на ней можно было посидеть и подышать свежим воздухом.

Поляки жили на одной стороне лагеря, мы – на другой, а между нами была площадь размером с футбольное поле. По вечерам в субботу на это поле выезжали американские армейские грузовики, чтобы забрать

девушек из лагеря на военную базу на танцы. Это событие всегда сопровождалось тем, что утром в воскресенье мужчины - жители лагеря - ходили по полю и искали окурки. Они подбирали окурки, вытряхивали весь оставшийся табак и скручивали себе из него новые сигареты.

С этим полем был связан еще один ритуал - периодическая санитарная обработка жителей лагеря для борьбы с насекомыми (DDT) командой UNRRA (Администрация Объединённых Наций по помощи и восстановлению). Нас выстраивали в ряды и распыляли порошок под одежду через вырезы на шее.

Питались мы в общей кухне, расположенной на стороне поляков. Каждому дополнительно выдавался талон, по которому можно было получить сахар, муку, молоко и разные другие продукты. Общая кухня раздавала и американские солдатские пайки. Пустые консервные банки были очень кстати. В дождливые дни мы прикрепляли их к гвоздям на потолке, чтобы собирать воду, которая грозила затопить комнату. К банкам прикрепляли ручки и делали из них многое другое. Эти полезные приспособления стали известны как «посуда Трумэна».

В Вассеральфингене Тийт прошел обряд конфирмации. Хотя ему было только четырнадцать и по традициям Лютеранской церкви Эстонии (конфирмация совершается в возрасте 18 или 19 лет) он был слишком молод, обстоятельства вынудили маму записать его на катехизис. Мы были вдали от дома почти год и Тийт очень вырос из своей одежды. Когда UNRRA объявила, что выделит ткань для тех молодых людей, которые собираются пройти обряд конфирмации, Тийт, и даже некоторые женатые мужчины, что было явным нарушением обряда, присоединились к числу кандидатов на конфирмацию. Около двадцати молодых и не очень молодых мужчин и женщин прошли обряд. Все мужчины были в костюмах в полоску из ткани UNRRA, а женщины — в платьях, которые традиционно должны быть чисто белыми, но были в горошек.

Наше пребывание в Вассеральфингене закончилось осенью. Еще в июне в Вашингтон пришло сообщение, что беженцы живут в ужасных условиях. Президент Труман послал Эрла Г. Харрисона, декана юридического факультета Университета Пенсильвании, чтобы разобраться с ситуацией и доложить ему. В его отчете о состоянии лагеря Вассеральфинген говорится:

«В лагере находятся 190 эстонцев. Люди живут в бараках и палатках. Жилищные условия плохие, но окружающая местность невероятно красива. В лагере 61 ребенок, для детей это место — рай на земле, но оно не подходит для постоянного проживания. Снабжение хорошее. Лагерь находится под опекой и защитой UNRRA. Обувь и одежда имеются. Отношения с американцами хорошие. Порядок поддерживается. У жителей лагеря не много контактов с немцами, так как лагерь находится в изолированной местности за пределами города. Необходима СРОЧНАЯ помощь!»

Снова в дороге

После визита декана Харрисона и решения союзников, вопреки требованиям Москвы, не репатриировать балтийских беженцев, было создано несколько лагерей с хорошими условиями для эстонских беженцев.

11 октября нас перевезли в лагерь в Гайслингене в юго-западной Германии, недалеко от Штутгарта. Лийви однажды спросила маму: "Как мы узнали о Гайслингене?" Мама ответила: "Мы не знали ничего. Подъехали грузовики UNRRA, и нас просто погрузили".

Это правда, мы были во власти союзников. Они приняли решение, что после войны все беженцы в Европе должны быть репатриированы. К концу лета большинство людей вернулось домой, но около миллиона беженцев с территорий под контролем Советов — поляки, литовцы,

латыши, эстонцы и русские – знали, что не могут вернуться. Это стало серьёзной политической проблемой для союзников. Хотя Советский Союз был членом альянса, который включал Соединённые Штаты, Великобританию и Францию, западные партнёры не признавали аннексию восточной Европы, Эстонии, Латвии и Литвы Советским Союзом и не рассматривали людей этих национальностей как граждан Советского Союза. Советский Союз хотел их возвращения, но граждане стран Балтии не были обязаны возвращаться. До принятия решения о нашем будущем нас перевезли в комфортабельные лагеря.

Лагерь в Гайслингене назывался Лагерь UNRRA 615. Согласно отчёту за первый год работы, команда UNRRA прибыла в Гайслинген в мае 1945 года. Там был концентрационный лагерь и когда команда оказалась на месте, они обнаружили действительно "сборище бедных, обездоленных людей". Около 2300 перемещённых лиц с семьями и детьми, истощенные, недоедающие, в старых, грязных, переполненных бараках - все они с нетерпением ждали помощи. Большую часть из них нацисты привезли туда для принудительных работ. Русских, югославов и большинство поляков отправили домой, но 600 поляков отказались от репатриации, и их перевели в другие лагеря. Затем, по приказу военной власти, Гайслинген стал Центром сбора эстонцев в американской зоне.

11 октября ожидали прибытия 1500 эстонцев, но "со всех сторон на грузовиках" прибыло около 3000. Отчет гласит:

«Благодаря впечатляющей помощи местного военного отряда, вновь прибывшим было предоставлено лучшее жилье в городе. Три городских района, в которых располагалось примерно 170 частных домов с мебелью и садовыми участками, были освобождены от немецких жителей и переданы в пользование эстонцам. ... По приказу военного правительства, немцам разрешалось забрать только ценные вещи, все остальное должно быть оставлено в домах. Жильцы в свою очередь:

Должны проявлять максимальную осторожность при использовании мебели и других предметов, которые им доверили. Если кто-нибудь проявит небрежность по отношению к имуществу, Отдел по размещению имеет полномочия перевести виновного в другой дом с более простой меблировкой.»

Дома были гораздо лучше, чем протекающие бараки в Вассеральфингене. Размещение трех тысяч человек в ста семидесяти частных домах было довольно плотным, но каждая семья имела свою комнату, ее размер зависел от количества людей. Мы снова прибыли ночью и нас разместили в одной из комнат. На следующее утро мы узнали, что комната была меньше, чем положено семье из пяти человек и, к тому же предполагалось, что в комнате должна была быть мебель. Очень быстро стало ясно что всю мебель из нашей комнаты забрал себе один сааремасец, который жил в соседней комнате. Его и его жену перевезли в Гайслинген насильственно в качестве рабочих, и, когда заключенных освободили из концлагеря, они оказались среди первых жителей новообразованного эстонского поселения и щедро позаботились о себе сами. Мама говорила, что они хотели занять все три комнаты на первом этаже, а в комнате, которую выделили нам, сааремасец хотел устроить себе кабинет. Он освободил ее и перенес мебель в другие комнаты.

Мама сразу же нашла администратора лагеря, привела его к нам и показала, насколько маленькую комнату без мебели они выделили на пять человек. Днем позже нам принесли две двуспальные кровати. Если оценить ситуацию, то спустя год после того как мы покинули дом, все, что у нас было в Гайслингене - это две двуспальные кровати, которые нам не принадлежали, швейцарские часы и детская коляска, которую потом украли.

Сааремасца и его жену выселили из лагеря и нам отдали гостиную, самую большую комнату на первом этаже. Даже с кроватями в комнате

было достаточно места, еще там был рояль, и все жители нашего дома приходили по праздникам к нам. Комната смотрела на двор, и из нее можно было выйти на веранду, откуда открывался прекрасный вид на сады и центр города. Соседняя комната, бывшая столовая, также выходила на эту веранду. В ней жил бывший полицейский из Нарвы с женой и двумя детьми. Он нелегально гнал самогон на продажу, а его жена, работающая и честная женщина, пыталась, как могла, сдерживать его склонность к дегустации своей продукции.

Маленькую комнату, в которой сначала остановились мы, отдали двум сестрам, им было около пятидесяти или шестидесяти лет. У них был брат, который жил где-то в другом месте. Мама рассказывала, что их брат был убежденным коммунистом, он ходил по лагерю с представителем UNRRA по репатриации и убеждал людей вернуться в Эстонию. Его усилия были тщетны. Ни один эстонец не вернулся домой, даже его сестры.

На втором этаже в больших комнатах жили два брата со своими семьями, а в маленькой комнате жила теща одного из них. На чердаке тоже было две комнаты. Одна из комнат стала домом для трех очаровательных молодых людей с прозвищами Комар, Муха и Грязь, а в другой жил ювелир из Тарту со своим сыном. Кроме жилых помещений, на первом этаже были кухня и туалет. В подвале были помещения для хранения, ванная и прачечная. Наш дом, который в нумерации UNRRA значился под номером 44, находился в районе Шлоссхальде в Гайслингене. Два других района назывались Виллемсхёе и Раппенаккер. Вместе эти районы образовывали треугольник, в центре которого находились школа и театр, которые тоже передали нам в пользование. Администрация лагеря и почта были расположены на дороге в Раппенаккер. В Раппенаккере была штаб-квартира полиции лагеря, санаторий, аптека и больница. Позже эстонцы построили там сауну.

Церковь, которую мы могли посещать, находилась в старом городе, не очень далеко от Шлоссхальде.

Согласно отчету, в каждом районе были: местная администрация, пункт распределения продуктов, полиция, инженер, медсестры, санитарный инспектор, скорая помощь и детский сад. Эти подразделения обслуживали районы, которые отличались по размеру.

В нашем районе насчитывалось шестьдесят одно здание, в которых, в общей сложности, было 387 комнат на 1250 человек.

1 января 1946 года лагерь закрыли для новых переселенцев, потому что больше не было места. Хотя изначально лагерь планировали для 1500 жителей, уже к концу первого месяца было зарегистрировано 2369 человек, а к декабрю 1945 года число жителей выросло до 3605. Когда лагерь закрыли, в трёх районах уже проживало около 4000 эстонских беженцев. Власти выдали каждому жителю удостоверение перемещенного лица и РХ-карту (временное удостоверение личности). Одной из проблем, с которыми мы столкнулись в первый год пребывания в лагере, была проблема с отоплением, многие комнаты не отапливались. В декабре UNRRA удалось получить около 500 печей. Еще не хватало кроватей и матрасов, потому что то пространство, которое раньше занимал 1 немец, теперь занимали от двух до четырех человек. Часто, уходя, немцы забирали и кровати, а в лагере не было запасов. Тем не менее, UNRRA доставила матрасы довольно быстро, и к февралю 1946 года проблема с размещением людей, в основном, была решена.

Отель «Сонне», расположенный напротив железнодорожной станции, UNRRA использовала как транзитный лагерь и дом для временного размещения. Многие эстонцы потеряли семьи и родственников на войне или были с ними разлучены. Они ездили из лагеря в лагерь в поисках своих родных. Так как Гайслинген был одним из важнейших центров эстонских беженцев, иногда таких приехавших было довольно много и они останавливались в отеле «Сонне».

Начало учебы

Школы организовали удивительно быстро, несмотря на множество трудностей, связанных с приобретением школьного оборудования и учебников. В целом, дети получали очень качественное образование, что было связано не только с тем, что среди беженцев было много университетских профессоров из Тарту, которые стали учителями, но и с тем что это стало миссией. Преподаватель латыни, пастор Линд, говорил: «У нас нет никаких материальных вещей, - единственное, что у нас есть, это возможность дать хорошее образование нашим детям, чтобы они могли хорошо устроиться в любом месте». Многие из учеников действительно впоследствии получили докторские степени в США и других странах.

Начальная школа была открыта 19 ноября 1945 года, а 15 декабря - средняя школа. За ней, в январе 1946 года, открылась Музыкальная школа, а затем, в феврале, Техническая школа. Для детей, которые пошли в школу, это был первый учебный год после бегства из Эстонии с весны 1944 года.

Сколько всего было учеников и учителей в Гайслингене? Согласно списку регистрации 1946 года, 881 ученика обучали 75 учителей. В начальной школе было 6 классов с 408 учениками и 34 учителями. В средней школе, состоящей из 5 классов, училось 238 ученика и было 30 учителей. В детском саду в том году было 235 детей и 11 учителей.

Отчет не классифицировал население лагеря по возрасту или профессии. Пометки в отчете указывают, что большинство людей были образованными представителями среднего класса и среднего возраста.

«По мере прибытия жителей лагеря вскоре стало очевидно, что среди них можно найти специалистов всех профилей, связанных с

проблемами общего благосостояния. Кроме того, благодаря в целом более короткому пребыванию в Германии и высокому уровню образования, легко обнаруживалась относительно хорошая дисциплина и склонность к личной инициативе и активности».

Эти люди организовали в лагере образовательную и культурную деятельность и медицинское обслуживание.

Начальная школа открылась через месяц с небольшим после прибытия первых беженцев. Практически одновременно с образованием было налажено и медицинское обслуживание. Отчет гласит: "Санитарные условия улучшились довольно скоро до самого высокого уровня благодаря замечательной работе многих эстонских врачей, специалистов и профессиональных медсестер. Кроме того, были организованы диспансер и детская клиника, аптека, лаборатория и палата для больных туберкулезом.

Мы болели разными детскими болезнями, у нас были инфекции и синяки, но это было обычным делом. Удивительно, но ни у кого из нас, даже у моего брата, не было переломов. Ни у кого из нас не было серьезных заболеваний, кроме аппендицита у Тийта и почти смертельной борьбы Линды с пневмонией в Нересхайме. Ни один из нас никогда не видел стоматолога. Медицинское обслуживание в лагере было доступно, но мы пользовались им минимально.

Правила лагеря

Как мы получали продукты и все необходимое для повседневной жизни? Работали ли родители, зарабатывали ли деньги на покупку одежды, еды, туалетных принадлежностей? Нет, не совсем.

Мало кто из взрослых имел работу. Американские военные базы нанимали людей из лагеря в качестве водителей, плотников, поваров, но их было очень мало. Большинство из нас обеспечивались только UNRRA.

UNRRA предоставляла нам всё: одежду, нижнее бельё, зубные щётки, мыло – всё от А до Я, и, конечно же, еду.

По правилам, каждый житель лагеря получал в день рацион в 2,300 калорий и дети в возрасте от 0 до 17 лет, и больные, те кто был занят тяжёлым физическим трудом, получали дополнительные порции. Большинство продуктов были сухими. Чтобы дополнить рацион, который был не очень разнообразным и в котором не хватало свежих продуктов, в марте 1946 года в лагере был создан Садовый офис. У каждого дома был садовый участок и задачей Садового офиса было организовать уход за этими садами и выращивать для себя фрукты и овощи. Главный агроном, согласно отчету, имел «академическое образование агронома и специалиста по вопросам сохранения растений и выращиванию фруктовых деревьев». Он руководил районными садовниками, у которых тоже было подходящее образование или садоводческий опыт. У нас на заднем дворе тоже был красивый сад. Там было много грядок с овощами, много кустов – в основном смородины и крыжовника – несколько фруктовых деревьев по краю – яблони, груши, персики и сливы.

Общину из 4000 беженцев можно сравнить с маленьким городом, и ей требовалось управление. Мы жили на территории под контролем военных союзников, под надзором и управлением UNRRA. У нас были правила, и все, от количества калорий в день на человека, до уголовных преступлений, решалось в соответствии с этими правилами. Какие проблемы и нарушения становились предметом внимания?

В полицейском журнале регистрировалось, на удивление, довольно много жалоб. Например, за одну неделю были зафиксированы следующие жалобы: кражи – 56; нарушение покоя – 22; насильственные действия – 4. Мама говорила, что кражи случались довольно часто и жаловаться на соседей было обычным делом, хотя иногда жалобы были довольно абсурдными, как в случае с женщиной, которая обвинила другую женщину в краже своих искусственных зубов!

Мама была старшей по дому и, за выполнение обязанностей и соблюдение многочисленных правил и рекомендаций по пользованию и сохранению немецких домов, получала в месяц упаковку сигарет Chesterfield. Она не курила и сигареты отправлялись на черный рынок, где иногда за них можно было получить несколько фунтов сахара, иногда пару шелковых чулок, кусок ткани или короткую экскурсию. Еще она получала небольшой доход от вязания свитеров и шарфов для американцев.

Культурная жизнь

Театральная труппа была организована почти сразу и в ноябре 1945 года состоялась первая постановка, варьете-шоу. Это представление было показано четыре раза. Сначала артистам выделили неподходящее помещение, но потом было реквизировано здание театра Янхалле, которое стало центром нашей культурной жизни и школьных собраний. Театральная труппа развивалась очень активно благодаря профессиональным актерам, певцам и продюсерам из числа беженцев. Янхалле стал местом для постановок на профессиональном уровне, несмотря на нехватку реквизита и костюмов.

В театре был свой танцевальный ансамбль, костюмерная и музыканты. За шесть сезонов существования театра было поставлено 83 полноценных спектакля, от оперетт и драм до детских кукольных спектаклей. Театральная труппа гастролировала по другим эстонским лагерям в Германии, и, как гордо заявляется в отчете, «лучший театр среди беженцев в американской зоне находился в Гайслингене».

В лагере были организованы две церковные общины: лютеранская и православная. Большинство жителей лагеря были лютеранами, но около 300 человек были православной веры. Среди беженцев было три православных священника, которые удовлетворяли духовные нужды

верующих. У лютеран было пять пасторов и нашим домом для богослужений стало здание Евангелической городской церкви, основанное в 1425 году. Организовали и воскресную школу, и религия стала частью учебной программы.

Конечно же, были организованы спортивные занятия и соревнования. 22 ноября 1945 были организованы Отряды эстонских бойскаутов и герлскаутов, и к февралю 1946 года в них насчитывалось уже 420 членов. YMCA (Христианская ассоциация молодых людей) и YWCA (Христианская ассоциация молодых женщин) не сильно от них отставали.

Глубоко укоренившаяся эстонская традиция хорового пения продолжилась и в лагере. В Гайслингене было пять хоров. Мама пела в церковном хоре в Эстонии и в лагере присоединилась к женскому и смешанному хорам. Эти хоры ездили на гастроли. Особенно запомнилась маме поездка со смешанным хором в мае 1946 года на Балтийский песенный фестиваль в южной Баварии, в Альтенштадте.

Весной 1946 года появилось туристическое бюро. Его организовала Ассоциация железнодорожников Эстонии, чтобы распространять информацию о расписаниях поездов и автобусов. Вскоре они начали организовывать автобусные экскурсии (иногда для этого использовались армейские грузовики).

Мама ездила на несколько экскурсий, в том числе в Гармиш-Партенкирхен и другие живописные места. Эти туры обычно длились три дня и стоили 75 немецких марок, ровно столько, сколько стоила упаковка сигарет, которую она получала за работу старшей по дому.

В конце нашего пребывания в Гайслингене мама начала вязать свитеры и шапки для американцев. Я помню клубки и мотки пряжи в нашей тесной комнате повсюду. Понятно, что все искали возможность заработать денег, тем более что немецкая экономика после войны начала восстанавливаться и на рынке стали появляться разные товары. Будучи беженцами, мы не были интегрированы в немецкую экономическую и

социальную структуру, но мы определенно замечали, что происходило вокруг. У беженцев было только две возможности заработать, работать на американцев или торговать на черном рынке. Мужчины могли найти работу на американских военных базах, но у нас не было мужчин. Тийт был еще школьником. Но возникло небольшое производство, которое предоставляло товары и услуги американским военнослужащим, администрации лагеря и членам их семей. Именно тогда мама и начала вязать.

Рождественские праздники

Благодаря тому, что у нас было пианино, на Рождество наша комната становилось центром праздника. Наша соседка была талантливая пианистка, мы пели рождественские песни, а она нам аккомпанировала. У нас всегда была рождественская елка, хотя радостное событие смешивалось с грустью из-за того, что мы праздновали еще одно Рождество вдали от дома и были лишены возможности туда вернуться.

Одно Рождество особенно ярко запечатлелось у меня в памяти. Уже был канун Рождества, и казалось, что Рождество будет невеселым. Мама мыла пол в нашей комнате, когда почтальон принес извещение. Маме пришла посылка из гуманитарной организации CARE (Кооператив по оказанию помощи в экстренных ситуациях) от друга моего отца, который уже находился в западном полушарии. Я не уверена, что мама закончила мыть пол перед тем, как отправилась на почту. Вернулась она с посылкой, наполненной сладостями, которые украсили наш праздник, там были: шоколад и конфеты, кофе, сахар и другие ингредиенты для выпечки. Обычно кофе, который мы получали в посылках, мама продавала на чёрном рынке или обменивала на вещи. Однажды ей удалось получить ткань на платья для нас троих в обмен на один фунт кофе Maxwell House!

В таких обстоятельствах мы жили и играли. Нас было четверо, мы ходили в школу, а мама выполняла обязанности старшей по дому и пела в хоре.

Переселение

В 1948 году эстафету от UNRRA приняла Международная организация по делам беженцев (IRO). Мировые лидеры решили найти для беженцев постоянное жильё. Так началась эмиграция в США, Австралию, Канаду, Англию и Францию. Мама пыталась переехать с нами во Францию, а Тийт решил самостоятельно попытать счастья в Канаде. Чтобы он мог поехать туда один, ему должно было быть больше 18 лет. Тийту не хватало полгода до нужного возраста и он подделал своё свидетельство о рождении, изменив X (октябрь) на III (март). Подделка сработала, и летом 1948 года он уехал в Канаду.

В конце лета, после завершения всех процедур для эмиграции во Францию, мы приехали в лагерь Карлсруэ, бывшую немецкую военную базу. В лагере находилось около 2000 латвийских беженцев, но в нем было отделение для тех, кто иммигрировал во Францию. Это была последняя, но важная остановка перед отправкой. Там мы ждали спонсоров. Мы ждали шесть месяцев и вернулись в Гайслинген в январе 1949 года потому, что подходящий спонсор для нас так и не нашёлся. Кто захочет спонсировать женщину с тремя маленькими девочками? Раз в неделю во Францию отправлялся транспорт, и мы провожали их все. За все это время для нас нашёлся только один спонсор. Это была семья как минимум с семьёю детьми, которая искала горничную. Мама подумала, что результат может быть катастрофическим, если она приедет туда еще с тремя детьми. И она отказалась.

После неудачной попытки иммигрировать во Францию мы вернулись в Гайслинген и получили комнату в доме номер 37/5 в Шлоссхальде. Она

находилась на втором этаже и была меньше, чем в 44 доме, но теперь и в семье было на одного человека меньше. Летом 1949 года нас перевели в Раппенакер. Население лагеря сокращалось из-за иммиграции, и IRO объединило лагерь в двух районах, в Виллемсхёэ и в Раппенакере и стало возвращать дома в Шлоссхальде владельцам. Лагерь был расформирован весной 1950 года, и нас перевели в лагерь на окраине Ульма, где мы продолжили учебу, прерванную переездом.

Тем летом мы начали процесс иммиграции в Соединенные Штаты и прошли через множество лагерей, в которых не было школ. Поэтому мы не учились до января 1951 года, пока не добрались до Питтсбурга, штат Пенсильвания, США. Мама подала заявление на эмиграцию в Соединенные Штаты, и в июле мы покинули Ульм и отправились в Людвигсбург, крупный центр, где происходила подготовка. В Людвигсбурге иммиграционный комитет проверял всех потенциальных иммигрантов, проводил медицинский осмотр, чтобы убедиться в том, что все они здоровы. Беженцы из этого центра отправлялись не только в Соединённые Штаты, но и в другие страны.

В сентябре нас полностью осмотрели и направили на транспорт в Вильдфлехен, транзитный лагерь на пути в порт. Утром, перед отправлением, нам провели последний медосмотр, чтобы еще раз убедиться в том, что ни один пассажир не болен. Когда доктор осмотрел Линду, он обнаружил у нее скарлатину. Линду поместили в городскую больницу, а нас отправили в лагерь на карантин. На карантине оказались не только наша семья, но и все люди, с которыми мы жили в одной комнате. Примерно восемь человек. Наших соседей не обрадовало, что их планы нарушились, но выбора не было. Карантин продлился две недели, мы находились в помещении, изолированном от остальной части лагеря. Когда карантин закончился, Линда все еще была в больнице. Через шесть недель нас направили на другой транспорт. И снова с утра, в день отъезда, мы должны были пройти обязательный медицинский

осмотр. Когда доктор осмотрел Лийви, он обнаружил скарлатину у неё. Лийви также поместили в городскую больницу, а мы снова оказались на карантине, на этот раз с другими соседями по комнате. Еще через шесть недель нас снова направили на транспорт. Утром мы прошли обязательный медицинский осмотр, на этот раз успешно. Нас отправили в Вильдфлехен, лагерь, расположенный на ветреном холме. Уже был ноябрь и было довольно холодно. Мама запретила нам выходить из комнаты после того, как узнала, что чей-то ребёнок заболел корью.

Она беспокоилась потому, что наши визы в США действовали только до конца года, и если бы мы не успели уехать к этому времени, пришлось бы начинать весь процесс с начала. Она почти каждый день обращалась к властям с просьбой ускорить нашу отправку. Они пошли навстречу, и нас перевезли на следующую станцию, в лагерь ожидания в Бремерхафене. Там иммигрантов сажали на уходящие корабли. 9 декабря 1950 года нас посадили на военно-транспортное судно США «Генерал С.С. Старджис». Оно вышло из гавани в тот же день и направилось в Америку.

Мама всегда говорила, что хотела уехать как можно дальше на запад, хотя и пыталась иммигрировать во Францию. Она хотела уехать как можно дальше от России, чтобы ни она, ни её дети никогда больше не испытали страданий, причинённых Москвой. Дальше всего была Австралия, но уехать туда было невозможно. Основная проблема была в том то, что мама была женщиной с тремя иждивенцами. В семье не было "кормильца" в традиционном смысле, и перспективы появления такого «кормильца» в ближайшее время тоже не было. Взять на себя спонсорство такой семьи, как наша, было большим риском. Спонсоры искали работников, а не дополнительные рты. Когда появилась возможность уехать в Америку, мама, конечно, этой возможностью воспользовалась. Америка была по другую сторону земного шара и вряд ли могла быть захвачена Россией. После почти года в немецком рабочем

лагере и пяти лет в различных лагерях для перемещённых лиц, мы были на пути к новой жизни в США.

На военно-транспортных кораблях нет индивидуальных кают как на круизных лайнерах. На «Генерале С.С. Старджисе» под палубой было несколько больших кают с трехъярусными койками. Семьи разделили. Женщины и дети спали в одной секции, а мужчины – в другой. Ваннные и туалеты были раздельные, общего типа.

Еду нам подавали в стиле шведского стола в большом обеденном зале, где почти всегда было малолюдно. Многие страдали от морской болезни. Пересекать Атлантику в декабре обычно бывает сложно из-за штормов. На корабле заняться было особо нечем. Несколько раз проводились учения по эвакуации, во время которых всем нам приходилось надевать спасательные жилеты цвета хаки и собираться на палубе. Представители Агентства информации США, находившиеся на борту, проводили уроки английского, показывали фильмы и раздавали печатные материалы, в основном, о жизни в США. Большую часть времени мы просто бездельничали. На борту было около 1300 переселенцев, и только 43 из них были эстонцами.

Мы прибыли в Нью-Йорк 19 декабря и остановились на Эллис-Айленд для окончательного оформления документов перед высадкой. На следующее утро в 7:00 наш корабль пришвартовался в Манхэттене, доставив 200-тысячного переселенца, латвийскую женщину с четырьмя детьми, которая прибыла в Соединенные Штаты по Иммиграционному закону 1948 года. На Эллис-Айленде каждому иммигранту выдали небольшую сумму денег, что-то около трех или четырех долларов на человека. Еще нам дали билеты на поезд до Питтсбурга, Пенсильвания, где жили наши спонсоры. С причала нас перевезли на станцию. Багажа у нас было не много. Большинство изношенных вещей, в которых мы пересекли океан, мы сбросили за борт еще до того, как достигли гавани (практически все на корабле прошли через этот ритуал). Самым крупным

среди нашего багажа был большой сундук с надписью USA, в котором лежала портативная швейная машина «Зингер». Позже мы оставили её детскому дому.

На станции мы ждали поезда в Питтсбург до вечера. Поездка заняла всю ночь. Рано утром в Питтсбурге нас встретили пастор

Ричард Реттиг и мистер и миссис Вальтер Бон, представляющие нашего спонсора, Церковь Евангелических Реформаторов Святого Петра. Среди встречающих был еще репортёр из "The Pittsburgh Press". Мы сели в машину пастора Реттига, багаж поместили в багажник. Боны приехали на своей машине. Мы ехали через холодный заснеженный город, до Рождества оставалось всего пять дней. С людьми, которые нас принимали, мы общались на немецком языке. Приход насчитывал много немецких иммигрантов. Миссис Бон немного знала немецкий, пастор тоже. Во время поездки мы узнали, что нас троих поместят в приют церкви, а мама останется у Бонов до тех пор, пока не найдёт работу.

В приюте

Приют находился в Спринг Хилл, именно туда мы сначала и направились. Здание, большая двухэтажная кирпичная постройка, было окружено чугунным забором высотой пять футов. На переднем дворе было несколько высоких деревьев без листьев в это время года. Место было тихим и странным. Пастор провёл нас через ворота, а Боны их за нами закрыли.

В приемной было тесно, но уютно. Организовывали всё две дамы - Минни и Мэри. Обеим было, по меньшей мере, за шестьдесят и обе были старыми девами. Минни немного говорила по-немецки, на нем мы и общались, пока не выучили английский. После того, как нам показали нашу комнату, пастор и мама с Бонами ушли.

Сначала мы выходили из нашей маленькой комнаты только поесть. Новая обстановка была настолько странной, что мы чувствовали себя в безопасности только когда находились одни в комнате.

Мы боялись общаться с другими детьми. Мешало незнание английского. Однако очень скоро стало очевидно, что мы не можем долго оставаться в изоляции. Минни и Мэри решили, что мы должны общаться. После праздников нас перевели из маленькой комнаты в большую спальню для девочек.

На Рождество проходило много церковных мероприятий и встреч в домах прихожан и нас водили на многие такие встречи. Мы впервые узнали об омеле и открыли для себя много совершенно незнакомых нам продуктов. Рождество - время, когда вспоминают о тех, кому повезло меньше и поэтому социальные агентства и благотворительные организации посещали приюты и привозили подарки. Как бедные иммигранты мы получили щедрые подарки.

Жизнь в приюте подчинялась определённому порядку, основанному на религиозной дисциплине. Нет нужды говорить, что посещение церкви и воскресной школы не подлежали обсуждению. Ритуал начинался с того, что Минни выходила из своей комнаты уже одетая, проходила по коридору, останавливалась за нашей дверью, открывала её и произносила: «Девочки! Отче наш...». Её «Девочки!» было для нас сигналом к пробуждению, а на словах «Отче наш» мы должны были сесть в кровати и продолжить «... Сущий на небесах...». Обычно на слове «небесах» она закрывала дверь, и мы заканчивали молитву «Отче наш». Затем она переходила коридор и открывала дверь спальни для мальчиков и мы слышали, как она говорила: «Мальчики! Отче наш...», и мальчики выстраивались в линию, как и ожидалось. После этого мы слышали, как она идёт в ванную комнату для девочек. Всё было рассчитано так, что, когда она выходила из ванной, мы уже заканчивали

молитву «Отче наш». Из ванной она сразу спускалась на кухню, чтобы готовить завтрак. Пока Минни спускалась по лестнице,

Мэри выходила из своей спальни и быстрым шагом направлялась в ванную. К тому времени мы уже должны были застелить кровати. После Мэри ванной могли пользоваться мы. Всё это занимало не более 15 или 20 минут, и когда внизу раздавался звонок, мы направлялись в столовую на завтрак.

Завтрак обычно состоял из сухих хлопьев и пончиков или пирожных, пожертвованных прихожанином, владельцем пекарни. Эти пожертвования были остатками выпечки предыдущего дня и их каждый день по пути домой забирали старшеклассники. Обед в нерабочие дни обычно состоял из супа и бутербродов, а ужин всегда был горячим блюдом. У всех нас были обязанности. Мы должны были помогать Минни и Мэри с приготовлением еды, по очереди убирать со стола в столовой и мыть посуду. Еще мы должны были следить за чистотой всего дома. Полы мыли на коленях. Мы сами должны были стирать и гладить свою одежду. Мы должны были соблюдать правила и если кто-то правила нарушал, Минни решала вопрос с нарушителем собственными руками - буквально. Ни мои сестры, ни я никогда не испытывали на себе силу рук Минни.

В начале нового года, сразу после праздников, мы начали ходить в начальную школу, которая находилась дальше по дороге. Не было такого, чтобы английский изучался как второй язык. К Пасхе мы втроем уже свободно говорили по-английски. Фактически, живя в приюте, семилетняя Лийви полностью забыла эстонский.

Пока мы жили в приюте, мама оставалась с Бонами и помогала им по дому. Они были добрыми людьми, владельцами рядного дома в районе Норт-Сайд в Питтсбурге.

Мистер Бон работал на сталелитейном заводе, а миссис Бон была домохозяйкой. Как известно, четверг — выходной день у горничных, и в этот день мама приходила в приют нас навестить. Эти встречи не были

радостными, в приюте мы были несчастны, и мама тоже была несчастна, потому что ничего не могла изменить. В по утрам в воскресенья и в религиозные праздники она могла посещать церковь, и тогда мы виделись с ней там. В целом, детей в приюте регулярно навещали родители или родственники.

Пока мы были в Питтсбурге, мама трижды уезжала. В октябре 1951 года женился Тийт, и мама поехала в Канаду на его свадьбу. К тому времени Тийт уже прожил в Канаде три года и отработал двухлетний срок у фермера, который его привёз. После ухода с фермы он переехал в Торонто, куда иммигрировали тысячи эстонских беженцев. Многие из них приехали через Швецию, которая репатриировала беженцев из стран Балтии. Позже мы узнали, что шведский министр иностранных дел считал Сталина "светилом" двадцатого века.

В Торонто Тийт встретил Эллен Майер, ее семья сбежала с Сааремаа, крупнейшего эстонского острова, в Швецию. Из-за страха репатриации её отец-рыбак построил лодку, достаточно большую, чтобы вместить две семьи, и они отправились в опасное путешествие в Канаду. По прибытии в Канаду он продал лодку и на полученные деньги купил ферму. Тийт и Эллен пробовали заняться фермерством, но успеха не добились и вернулись в Торонто, там Тийт работал на шинном заводе и параллельно учился на пилота. Эллен работала парикмахером. У них было двое детей. После того как в 1965 году Тийт получил лицензию на коммерческие авиаперевозки, это стало его профессией.

Ещё одна поездка, которую тогда совершила мама, была в Кливленд. Брат отца, Александер, и его семья жили в этом промышленном центре с большой литовской иммигрантской общиной. Дядя Лекс, как мы его называли, и его литовская жена, тётя Муси, были преданными членами Церкви Адвентистов Седьмого дня. Их щедрость была почти безграничной, и они предложили маме взять к себе одного из её детей, чтобы облегчить ей жизнь. Линда провела в семье дяди Лекса около года

и этот год, по ее оценке, был ничем не лучше предыдущего года в интернате, в основном, из-за таких же строгих религиозных правил.

Снова свой дом

В третий и последний раз мама поехала в Коннектикут зимой 1952 года. Там она намеревалась обустроить для нас дом. Мама поддерживала связь с подругами из Гайслингена, которые жили в Уиллимантике, промышленном городке в восточной части штата. Они были вдовы и у них тоже были дети, но у них была работа на фабриках, которая приносила достаточно денег для аренды квартиры и содержания семьи. Хотя в Питтсбурге было много промышленных предприятий, там не было общины эстонских иммигрантов, которая могла бы оказать социальную и психологическую поддержку. В Уиллимантике же была довольно большая эстонская община, которая обеспечивала взаимопомощь и поддержку. Мама устроилась на работу в компанию American Thread Company и сняла маленькую квартиру под самой крышей, где не было горячей воды. Прямо перед Рождеством 1952 года она отправила нам билеты на автобус. После двух лет в разлуке в США мы снова будем жить вместе.

Мы приехали в Уиллимантик на автобусе компании "Грейхаунд" как раз, чтобы присоединиться к рождественским празднествам, которые эстонские иммигранты устраивали в своих домах. Как эстонские иммигранты узнали о Уиллимантике? Они не просто "узнали", им помогли приехать. Эстонец Ли Рэндалл попал в Соединенные Штаты после Первой мировой войны. Он работал, копил деньги и купил куриную ферму на востоке Коннектикута. В жены он взял девушку из Эстонии. Мать невесты, Сальме Унгерсон, приехала навестить молодую семью, и, пока она была в США, началась Вторая мировая война, и Сальме не смогла вернуться домой.

Именно миссис Унгерсон начала искать спонсоров, которые могли бы привезти эстонских беженцев из Германии в Соединенные Штаты. Больше всего ей повезло в Уиллимантике с работодателями компании American Thread. На восток Коннектикута приехало много эстонцев, большинство из них сначала останавливались на ферме Рэндалла. Говорят, иногда там было так много иммигрантов, что мистеру Рэндаллу приходилось переодеваться в своей машине!

В новом 1953 году мы пошли в местную государственную школу. Мы хорошо учились, а затем получили высшее образование в тех областях, которые для себя выбрали. В 1954 году мама вышла замуж за вдовца Эрнста Лайуса. Она продолжала работать и петь в церковном хоре. Еще она участвовала в эстонской любительской театральной труппе и вязала до тех пор, пока ей позволял артрит. В 1969 году она овдовела, а через год вышла на пенсию. К ее увлечениям добавились садоводство и чтение. Она наслаждалась компанией своих пятерых внуков и многих друзей, приобретённых за долгую жизнь. Мама умерла 19 июня 1997 года в возрасте 89 лет, и её прах был захоронен год спустя, рядом с местом, где она родилась.

1. Эта история - отрывок из «Могучей руки», семейной хроники, напечатанной в 1996 году для распространения среди членов семьи и родственников Ильви Йые-Кэннон.

2. Отчет за первый год, представленный директором Центра Ассамблеи В. Чарнецким из региональной группы 1005 UNRRA в штаб-квартиру UNRRA в Гейдельберге.